





# КОНКИСТАДОР ИЗ ХРУЩЕВКИ

Чернила внедряются в кожу  
Словами живого письма,  
Над ним посмеяться не сможет  
Надменная донна, жена.  
– Хозяйка морей и короны,  
Инфанта, моя госпожа,  
Эскудо, солиды, дублоны,  
Как листья, над вами кружат.  
Вы деньгам не знаете счета,  
А я их клинком добывал  
С тяжелой испанской пехотой,  
Шагая за огненный вал.  
Сокровища – мутные реки –  
Стекаются в дамский чулан  
И падают навзничь ацтеки,  
И рушится Теночтитлан.  
Легко обвиваете шею  
Рядком пламенеющих бус,  
Но выпелы черные реют –  
Пираты громят Веракрус.  
Колония стала могилой,  
Но вам эта смерть не к лицу,  
И вы улыбаетесь мило  
Придворному фату-самцу.

Над темным потоком Табаско  
Сойдутся армады мошки,  
Сгустятся над пальмами краски,  
Закончатся эти стишки.

«Дублоны, солиды, эскудо?»  
Копейки на карте лежат.  
– Когда ты помоешь посуду? –  
Вдруг спросит моя госпожа.

# С БАЛТИКИ НА САХАЛИН

*Их не утратишь через годы,  
как невозможно дважды с ходу  
войти в одну и ту же воду  
и как нельзя гасить маяк.*

Сэм Симкин

Над крутыми бортами обрывов  
Поднимаются тысячи мачт.  
Вместо паруса – хвойная грива  
И бельчата курсантами скачут.  
Я спокойно дойду по шкафуту  
До веревочных трапов на пляж,  
По Самбийской тропе в Карафуте  
Доберусь через мраморный кряж.  
Наши кручи врезаются в море  
Там, где лес, – это флот, лес не храм.  
За немymi воротами Тóрии  
Отсыпается древний Краам.

У сигнальщика пост несчастливый,  
Но сигнальщик у нас – первый сорт:  
Подмигнет темноокой Аниве  
Долговязый пруссак Брюстерорт.  
Волны шлепнут по плечикам звонко,  
Пелериною стая взлетит,  
Но в глазах нелюдимой японки –  
Чернота, воронóй сталактит.  
Тьма повсюду, от носа до юта  
И не берег, планеты плывут.  
Млечный Путь выгибается круто  
В неевклидовый свёрлящий жгут.  
Я отдам свою вахту кому-то  
И спишусь на Варникенский пляж,  
Там, где все маяки Карафуте  
Семафорят мне в душу: «Ты – наш».

# ВИЗА ПУШКИНУ

Я плакать и скучать не буду  
По русской речи на других устах.  
Варшава, Ополе, Оструда –  
Чужой язык, чужой устав.  
Иная пьет со мной обида,  
Поруганной глядит весной:  
Меж Беловодьем и Колхидой  
Томится друг невъездной.  
Махнет ресницами, закроет  
Глаза и знай себе парит.  
Над краем змей и землероек  
Летит пиит на славный Крит.

Очнется:  
за окошком Сороть  
Влачится скорбно в тишине.  
Над нею саван туч распорот  
Лучом, но света ближе нет.  
За тем сверкающим пределом  
Надмирный дышит Альбион.  
Мой друг как будто в зале белом  
И визою вооружен.  
Гудит снаружи всё, несется  
И кущи туч как толщи вод.  
Как стратосфера отзовется  
В стихах про гончий небосвод?

Веселый смотрит Александр  
На Рим стоглавый, на Милан,  
На громоздящиеся Анды,  
Где кличет прошлое орлан.

Да, не́ был Пушкин за границей  
(Оставьте бедный Эрзерум),  
И недолюбленную птицей  
Глядело сердце в ясный ум.

Долги и служба, как вериги,  
Тянули вниз.  
– Прощайте все!  
Пройдут столетия и книги  
Поднимут к Млечной полосе.

Сквозь турникеты космопорта  
«Онегина» протиснется строка,  
И оборотами другого сорта  
Аресовы опишут облака.

Мы утоляем словом жажду,  
Обогащая русским Word.  
Нас миллионы, значит, каждый  
Возносит Пушкина на борт.